

Декабря 11 (24)

Священномученик
Иоанн (Богоявленский)

Священномученик Иоанн родился 12 февраля 1892 года в селе Ветрине Моложского уезда Ярославской губернии в семье священника Дмитрия Богоявленского и жены его Людмилы. В 1914 году Иван Дмитриевич окончил Ярославскую Духовную семинарию, но по стопам отца идти не захотел, он желал выбрать светский путь и работать в земских учреждениях. Так как семинарию он окончил по 2-му разряду, то в земство его не взяли, и он был вынужден устроиться учителем в церковно-приходскую школу. Однако эта работа его не удовлетворила, и осенью 1916 года Иван Дмитриевич поступил на юридический факультет Ярославского Демидовского лицея, где проучился два курса – до 1918 года, когда власти преобразовали лицей в государственный университет, где продолжать образование он не захотел. В 1918 году в Ярославле, как и во многих промышленных городах России, начался голод, и Иван Дмитриевич стал подыскивать место учителя в одном из маленьких городков и наконец в 1919 году уехал в Весьегонск, где поступил в советскую школу 2-й ступени преподавателем истории, географии, истории социализма и политической экономии. Несмотря на свое бывшее стремление к светскому пути, Иван Дмитриевич был человеком глубокой веры, которую не скрывал, и часто посещал храм. В обстановке начавшегося гонения его вера стала подвергаться насмешкам – сначала от коллег учителей, а затем и от учеников, и Иван Дмитриевич решил оставить работу и уехать.

В январе 1922 года он вернулся на родину, в село Ветрино, где служил его отец, и поселился в родительском доме. В апреле отец умер, приход остался без священника, и Иван Дмитриевич решил поступить на место почившего батюшки. В начале мая он обвенчался с дочерью священника, служившего в одном из храмов города Мологи Ярославской епархии, Ниной Николаевной Семеновской, а 9 мая был рукоположен в сан священника ко храму родного села.

В конце двадцатых годов снова начались гонения; в глухом селе они выразились в требовании, чтобы священник выполнил заведомо непосильное задание по лесозаготовкам, которое он выполнить не смог, за что в марте 1930 года был приговорен к одному году исправительно-трудовых работ. Прихожане, однако, были недовольны расправой над священником и пришли к зданию районного отделения НКВД, требуя его освобождения. Перепуганные власти вынуждены были его отпустить, всего лишь выслав за пределы области.

Отец Иоанн приехал к епископу Рыбинскому Серафиму (Протопопову) за советом и благословением, и тот сообщил ему, что в селе Раменье Тверской области остался приход без священника, и посоветовал поехать к епископу Бежецкому Григорию (Козыреву), в чьем ведении был храм. Владыка Григорий благословил его занять место священника в Раменской церкви. Здесь, как и в родном селе, прихожане полюбили о. Иоанна. Но власти не забыли о приговоре, и в апреле 1931 года он был арестован и отправлен отбывать заключение на лесоповал в Сонковский район. Верующие не оставляли его – привозили продукты и всячески поддерживали. 27 марта 1932 года срок заключения закончился, и священник вернулся в Раменье.

Священник Иоанн Богоявленский. 1920-е годы

Сразу же вслед за этим начальник районного ОГПУ послал уполномоченному по Сонковскому району сообщение, где говорилось, что о. Иоанн "является ярким противником советской власти; приверженцем тихоновской ориентации. В 1929 году был репрессирован за антисоветскую деятельность. Кроме того, были установлены факты подпольной адвокатуры. Ввиду изложенного, за Богоявленским установить тщательное наблюдение".

Храм в селе Раменье находился рядом со школой, и школьники во все большие церковные праздники заходили в него – одни потому, что у них родители были верующими, другие – из любопытства. Это не нравилось директору школы, и он стал искать пути закрыть храм.

10 августа 1934 года сотрудник НКВД Фейгенберг потребовал от прокурора разрешения на арест священника, и 15 августа о. Иоанн был арестован; в тот же день следователь НКВД допросил его.

На вопросы следователя о его отношении к мероприятиям советской власти о. Иоанн ответил: "Ко всем мероприятиям советской власти я отношусь лояльно и недовольства никогда не выражал как про себя, так и в присутствии других. Все проводимые мероприятия одобряю, так как они направлены на улучшение жизни человечества, хотя бы взять к примеру колхозы – это, по моему мнению, единственный выход крестьянину из нужды. Я отлично понимаю, что все проводимые мероприятия советской власти и партии влекут постепенное отмирание религии... Каких-либо разговоров среди населения по вопросам политики партии и мероприятий советской власти я не веду, откровенно говоря, боюсь, так как скажешь слово, а после его извратят, и можно получить неприятность. С вопросами текущей политики я знаком, так как выписываю и читаю областные, районные и центральные газеты".

В это время было заведено следственное дело на одного из прихожан о. Иоанна, Алексея Попкова, и следователь решил найти обвинение в самом факте знакомства Алексея со священником и спросил о. Иоанна, знает ли он Попкова. Священник ответил: "Алексея Попкова я знаю, потому что он является зятем регентши Дарьи Кондратьевны, она все время пела на клиросе. С ней приходила петь ее дочка Параскева. Я спросил: "Кто с тобой поет?" Она мне сказала: "Моя дочка, Прасковья, она замужняя, муж ее Алексей Попков". В какой-то религиозный праздник я пришел с молебном в дом к Попковым, после молебна я спросил его, он ли муж Параскевы. Он ответил: "Да". С тех пор мы с ним знакомы, изредка встречались на улице, здоровались и расходились, никаких разговоров на политические темы не было. Позже летом, когда Попков проходил мимо моей квартиры на работу в поле, он заходил ко мне попить воды. В июле 1934 года Попков приходил ко мне домой и просил поисповедовать отца".

Не добившись нужных для себя показаний, следователь вызвал на допрос регентшу Дарью Кондратьевну. Она рассказала: "В деревне Маланьино Раменского сельсовета я проживала в течение девяти лет, то есть с 1925 по 1933 год. Как любительница пения до 1933 года участвовала в церковном хоре. Священника Богоявленского я знаю хорошо и должна про него сказать, что человек он очень осторожный и хитрый, зная, что я являюсь активисткой, избегал со мной откровенных разговоров относительно власти. Я имела намерение вывести его взгляды на мероприятия советской власти, но он избегал этих откровенных разговоров и заводил речь о другом. Из крестьян деревни Маланьино священник имеет хорошее знакомство с семьей Алексея Попкова, которая ему оказывает материальную помощь продуктами. Алексей Попков настроен антисоветски, систематически среди колхозников распространяет слухи о войне и гибели советской власти".

7 сентября следователь допросил старосту храма, где служил о. Иоанн, Наталью Томилину. Ей в то время было девяносто четыре года. Она ответила следователю: "Я являюсь церковной старостой Раменской церковной общины. По долгу своей службы мне иногда приходилось вести разговоры с Богоявленским, а также последний иногда ко мне заходил по церковным делам и просто так побеседовать. В момент, когда он приходил ко мне, приходили односельчане, но священник с ними вести разговоры остерегался. Из всех граждан нашего селения Богоявленский считал самыми самостоятельными семьи Алексея Попкова и Григория Попкова. В прошлом году приезжал в Маланьино какой-то священник, как Богоявленский рассказывал, то он не пустил его и в дом. Этот же священник после заходил и ко мне, но я его также не пустила – раз батюшка что-то заподозрил, то я думаю, что не зря. Он у нас человек очень умный и осторожный. Кое с кем, да еще с незнакомым человеком о чем-либо постороннем говорить не будет".

Следователи допрашивали священника каждый день поочередно, день один следователь, день – другой. Обвинить его было не в чем, следователям не к чему было придраться, и они стали интересоваться – как же он, верующий человек, и преподавал социализм. Отец Иоанн отвечал: "Будучи преподавателем в школе, я ученикам преподавал об утопическом социализме, что при нем будет много школ низших и высших, школы будут общие для мужчин и женщин, что будет создано общественное питание в школах и среди всего населения. Фабрики будут общие, должно быть учтено все имущество, труд должен стать коллективным. Я был преподавателем времен военного коммунизма. В это время было положение

смутное, не было точных установок учения Карла Маркса о научном социализме, поэтому я и преподавал утопический социализм. Впоследствии от меня стали требовать преподавания о принципах трудовой школы, общественно-полезном труде и так далее. Я далек был от такого преподавания, не мог в своей голове переварить всего нового о школе. Я тогда в 1922 году ушел на службу священником, где я хотел найти для себя отраду в своей работе. Я знал, что, будучи священником, все время буду находиться среди учеников в деревне и среди крестьян. Причем после преподавания в школе я видел, что не могу быть полезным для настоящего общества и у меня к этому нет призвания. В отношении обновленческой церкви я все подробности сам хорошо не усвоил, но должен заявить, что ходить в маске я не могу. Я хочу быть настоящим священником Православной Церкви и ни в коем случае не могу отступить от Церкви митрополита Петра Крутицкого, митрополита Нижегородского Сергия, митрополита Ярославского Павла. Я буду служить, если мне предоставится возможность, до последнего. Политической жизнью советской власти я интересуюсь через газеты. Главным образом в газетах интересуюсь государственным управлением – как власть управляет своей страной, но понимание нового управления для меня дается тяжелее. Раньше было понятно, что управлял один царь и всё. Я интересуюсь через газеты управлением государственным не потому, что меня особенно советская власть интересует, для меня все равно, царь управлял, советская власть управляет или кто другой. Я жил при царе так, как живу и теперь. Я предан Православной Церкви и буду продолжать до конца служить ей. Относительно обвинения меня и моей связи с Алексеем Попковым в отношении антисоветской агитации я должен отметить одно. Я убежден в том, что вести контрреволюционную работу против советской власти и политики партии я один или вдвоем, хотя бы и с Попковым, не мог, потому что мы вдвоем не могли оказать большого влияния на подрыв советской власти. Если бороться с советской властью, то надо много иметь сторонников, но я их не имел и не мог иметь. Я хорошо знал, что за каждым моим шагом следят, ко мне каждый год посылали шпионов... Ко мне подослали в 1933 году зимой одного священника. Он просил, чтобы я принял его на службу, хотя бы в сторожа церкви. За малое время пребывания со мной он старался завести разговор о советской власти. Я понял, что он кем-то подослан и совершенно с ним перестал разговаривать. В 1934 году был подослан еще один священник. Я знал, что мне свой язык невозможно, как говорят, распускать ни в каком случае – кругом следят, поэтому я был очень осторожен во всех разговорах о мероприятиях советской власти. Я предупреждал Алексея Попкова, чтобы он особенно не болтал про советскую власть плохого среди женщин, так как женщина из мухи может раздуть слона, и можно попасть через язык в тюрьму. Какая может быть антисоветская агитация при данных условиях среди неграмотных людей, когда кругом за нами следят. Кем подосланы эти шпионы, я точно сказать не могу".

Прочитав показания священника, следователь решил попробовать – а не удастся ли зацепиться за это предупреждение Алексея Попкова священником, но о. Иоанн на это возразил: "Алексею Попкову я никаких предупреждений об антисоветской агитации не делал. Написанное выше о том, что я предупреждал Попкова, было следователем недопонято".

Не зная, кого еще допросить, следователь вызвал женщину, возившую о. Иоанну продукты, когда он находился в заключении. На вопросы следователя она ответила: "Я, как религиозная женщина, к священнику отношусь

сочувственно, у священников церкви села Раменье, которые были до о. Иоанна, иногда прислуживала, мыла полы. Когда Богоявленский отбывал принудительные работы в Сонкове, верующие ему помогали продуктами – хлебом, картошкой. Однажды я была в Сонкове по своим делам, года два тому назад, в этот день была в Сонкове и жена Богоявленского, встретили мы его на вокзале, и среди нас был разговор про колхозы и дровозаготовки, священник спрашивал, как там живут верующие – наверное, были все на лесозаготовках, спрашивал, как в колхозах, было ли распределение доходов. И когда я ответила, что колхозники недовольны колхозом, так как не все еще одинаково работают, а после того, как поделили доходы, очень ругаются, он ответил: "Ну я так и знал, что ничего из этих колхозов не получится". Больше от священника я ничего подобного не слыхала".

Как всегда, в качестве самого значительного свидетеля обвинения был вызван представитель местной власти – председатель сельсовета, который показал: "Алексея Алексеевича Попкова я знаю как односельчанина, его взгляды антисоветские... Конкретных выступлений с указанием даты припомнить не могу. Алексей Попков имеет тесную связь со священником Раменской церкви Богоявленским. В сельскохозяйственную кампанию 1934 года я был у себя в деревне, и колхозники мне рассказывали, что в момент уборки клевера днем все колхозники сушили клевер, а Попков ушел к священнику Богоявленскому и долгое время с ним беседовал. Характерно отметить то обстоятельство, что все лица, которые имеют тесную связь с Богоявленским и которых я знаю как односельчан, так же, как Попков, антисоветски настроены и открыто высказываются против проводимых мероприятий. Все лица, которые держали связь со священником, держали ее как-то скрытно от других и ходили только они к священнику, к ним же священник, как я заметил, не ходил. Можно уверенно сказать, что все антисоветские настроения и разговоры, которые очень часто можно было слышать от граждан деревни Маланьино, исходили от священника через близких ему людей".

Но и эти показания были неубедительны и недостаточны для обвинения священника, и тогда 27 сентября о. Иоанна допросил уполномоченный управления НКВД, чтобы составить свое окончательное заключение по этому делу.

Отец Иоанн, отвечая на вопросы, сказал: "Служа священником села Раменье, я при отправлении служб в церкви каких-либо проповедей антисоветского характера не произносил. В частные беседы с прихожанами вступал очень редко, тем политического характера не касался никогда и ни с кем. Прихожане относились ко мне хорошо, среди них я пользовался авторитетом. Объясняется это, с одной стороны, тем, что я на требы не только не устанавливал таксы, но и не просил; что дадут, то и ладно, а и не дадут – хорошо. С другой стороны, прихожане любили меня за то, что я заботился о храме, исправлял обязанности не только священника, диакона и псаломщика, но был одновременно и звонарем, и сторожем, и уборщиком. Предшественник мой довел, можно сказать, храм до запустения – всюду были грязь, пыль, паутина. Я храм благоустроил и все время своими силами поддерживал в нем чистоту. Как и каким путем отдельные граждане, как например, председатель сельсовета, говорят, что я являюсь первоисточником разного рода антисоветских разговоров – для меня совершенно непонятно".

По-видимому, и следователи НКВД, и уполномоченный вполне сочувствовали священнику и, записывая его ответы, не слишком искажали то, что он говорил, и не захотели его осудить. 2 октября уполномоченный НКВД составил свое заключение: "В действиях, приписываемых обвиняемому Богоявленскому, нет состава преступления, а потому дело производством прекратить, арестованного Богоявленского Ивана Дмитриевича из-под стражи немедленно освободить". Отец Иоанн был освобожден из Бежецкой тюрьмы и вернулся служить в село Раменье.

В начале 1935 года благочинный прислал о. Иоанну распоряжение, чтобы он вел в своем храме запись родившихся, умерших и вступивших в брак. По существу эти записи нужны были самим крестьянам, которые желали, чтобы факт крещения их детей, смерти близких был записан в церковных книгах их собственной приходской церкви.

Отец Иоанн в соответствии с распоряжением благочинного вел эти записи до сентября 1935 года, когда вновь был арестован властями и обвинен в присвоении административных функций. Прихожане нашли адвоката для защиты священника. Состоявшийся вскоре суд приговорил о. Иоанна к денежному штрафу. После оглашения приговора священник был освобожден. Адвокат, прощаясь с о. Иоанном, предупредил его, что он все равно будет вскоре арестован, так как главная его вина перед властями состоит в том, что он священник, и он может избежать ареста лишь оставив служение в храме. Такой путь о. Иоанн категорически отверг и вернулся служить в церковь.

В декабре 1935 года благочинный снова прислал распоряжение, чтобы священник и в 1936 году вел подобные записи. Об этом распоряжении стало известно НКВД, и, намереваясь привлечь священника к ответственности, 8 марта 1936 года следователь вызвал о. Иоанна на допрос.

– Поступила ли к вам директива благочинного с указанием о ведении записей в церкви на 1936 год – родившихся, умерших и вступивших в брак? И когда она к вам поступила? – спросил следователь.

– Да, такая директива ко мне поступила в декабре... точно указать какого числа не могу.

– Что вами практически сделано во исполнение указанной выше директивы?

– В сентябре 1935 года я был судим за присвоение административных функций, то есть за то, что вел эти записи и выдал по ним справку. Поэтому, невзирая на указания вышестоящего духовного лица, я вести записи в 1936 году не стал.

Следователь удовлетворился ответами священника и отпустил его.

Положение храма в 1936 году стало критическим, власти обложили его налогом, выплатить который было невозможно, тем более что они запретили молебны в домах, а в храм многие уже опасались открыто ходить. 5 февраля в доме священника собралась церковная двадцатка, чтобы решить, как избежать закрытия храма. Решили во что бы то ни стало выполнить требование властей и собрать далеко не малую для разоренных коллективизацией крестьян сумму, а для этого произвести сбор средств по дворам с обращением к жителям, что если они не помогут, то советская власть закроет храм, и уже не придется хоронить своих близких на церковном кладбище, не будет ни отпеваний, ни панихид, ни молитв, и никто не помянет души почивших за литургией.

Обход по дворам моментально дал результаты: была собрана нужная сумма и уплачен налог. Все это не осталось незамеченным властями; тут же посыпались доносы в НКВД: будто крестьяне стали говорить, что священник работает лучше, чем сельсовет, которому никогда плана по государственному займу не выполнить, будто он одним словом, что церковь закроют и сельсовет без церкви будет брать за похороны тридцать рублей, собрал нужную сумму, плохие же помощники у сельсовета, куда хуже, чем у священника. Несмотря на доносы, все же и власти видели, что священник ведет себя сдержанно, и не потому, что осторожен, а по своему смирению и какой-то природной застенчивости.

Но пришли новые, более безжалостные гонения, руководители страны приняли решение о беспощадном уничтожении всех неугодных им людей и целых слоев населения, в том числе и духовенства. 12 ноября 1937 года о. Иоанн был арестован; после этого сотрудники НКВД стали собирать "доказательства преступности" священника. По обыкновению стали вызывать "дежурных свидетелей". Как обычно, был вызван представитель местной власти – председатель сельсовета; продолжали собираться доносы. Один из доносчиков писал о священнике, что "два года назад из колхоза, то есть на третий год пятилетки, одна женщина дала священнику Богоявленскому два мешка картошки из общеколхозной, подлежащей распределению по трудодням. Он знал, что картофель общий, а взял".

20 ноября состоялся первый допрос.

– Вам предъявляется обвинение в систематической контрреволюционной агитации, направленной к срыву проводимых хозполиткампаний в колхозах. Следствие от вас требует правдивых показаний.

– Антисоветской агитации я не вел.

– В сентябре вы дали установку монахине вести антисоветскую агитацию о том, что якобы советская власть – каторга и колхозы распадутся. Подтверждаете вы это?

– Этого не подтверждаю.

– 4 ноября вы, будучи в церковной сторожке, восхваляли врагов народа. Подтверждаете ли вы это?

– Этого я не подтверждаю, показания свидетелей ложны.

– В августе вы среди колхозников деревни Маланьино вели антисоветскую агитацию. Говорили: "Работаете день и ночь, а получаете гроши, все пойдет государству". Подтверждаете ли вы это?

– Этого я не подтверждаю. Антисоветской агитации не вел.

– В сентябре вы распространяли слухи о войне и падении советской власти. Подтверждаете ли вы это?

– Нет, не подтверждаю.

Священник держался твердо и отказался возводить клевету на себя или других, и в тот же день следствие было закончено. 25 ноября Тройка НКВД приговорила священника к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Отец Иоанн был сослан в Коми область в Севжелдорлаг, в поселок Княж-Погост. Он пробыл на тяжелых работах с 1938 по 1941 год. С началом войны, при том что работа оставалась непосильно тяжелой, кормить в лагере почти перестали. Священник Иоанн Богоявленский умер от голода 24 декабря 1941 года; ему было тогда сорок девять лет.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3». Тверь. 2001. С. 427-435